

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ КОНФЛИКТНОГО И ГАРМОНИЧНОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Чиркун А. Б., Минский государственный лингвистический университет

На сегодняшний день исследования по речевой конфликтологии охватывают не только сферу конфронтационного межличностного взаимодействия, но и распространяются на другие коммуникативные пространства, в частности на область бесконфликтного общения. При этом в качестве языковых маркеров как конфликтной, так и бесконфликтной коммуникации выступают единицы и категории разных лингвистических уровней.

Так, исследование *речевых конфликтогенов*, т.е. вербальных действий, которые в определенных коммуникативных ситуациях способны выступить в качестве «детонаторов» (по выражению Д.Дэна) межличностного конфликта, указывает на то, что в испанской и русской коммуникативных культурах их актуализация осуществляется за счет следующих наиболее распространенных языковых средств:

1) **лексических**, в частности негативно окрашенной лексики, инвектив, ненормативной обсценной лексики, стилистически сниженных слов и выражений, ср.: *idiota* 'идиот', *tonto* 'дурак', *canalla* 'каналья', *sinvergüenza* 'бесстыдник' и т.п. При этом наряду с использованием идентичных лексем, маркирующих конфликтное межличностное взаимодействие, каждая из сопоставляемых культур обладает и своими собственными этноспецифическими лексическими средствами вербализации речевых конфликтогенов. Так, например, в испанской культуре лексемы *arrastra(d)o* и *condenado*, буквально обозначающие 'убитого во время корриды быка', также широко используются в качестве инвектив со значением 'проклятый, негодник' и 'отщепенец', ср.: — *Buena memoria. 'Хорошая память!' — ¡Más buena que la tuya, arrastrao!* 'Лучше, чем твоя, негодник!'. В свою очередь в русской речевой культуре в качестве специфических инвективных средств могут выступать, например, лексемы *лапоть*, *валенки*, ср.: *Нуты и валенки!* и т. п.;

2) **морфологических**, а именно категории лица, конфликтотенсная актуализация которой происходит, в частности при употреблении 3-го лица вместо 2-го, ср.: *Mire, que cree que es el centro del mundo. 'Вы только посмотрите на него, он думает, что он центр вселенной'* (М. Р. Janer. *Pasiones romanas*); *Алеша. А как тебе не стыдно!.. Вот! Поплачь еще теперь! Чтoб совсем молоко пропало!.. Черт, все надо испортить! Накручивает, накручивает, все не так!* (М. Рошин. Муж и жена снимут комнату). Как отмечает Ю. Д. Апресян, подобные «непочтительные» употребления выполняют прагматические функции «исключения называемых таким образом людей из личной сферы говорящего, преднамеренного оскорбления, выражения неуважения, либо невольной демонстрации недостатка воспитания»;

3) **синтаксических**, в частности стратегических вопросов, с помощью которых говорящий выражает возмущение, ср.: *¿Cómo has podido obrar así? 'Как же ты мог так поступить?'; У меня ничего в жизни не осталось, все знают: только Петечка, только Федечка! В кого я превратилась? В домработницу с дипломом? В рыбаю?* (М. Рошин. Старый Новый год).

Между тем анализ вербальных действий, ориентированных на нейтрализацию возникшего между коммуникантами конфликта, указывает на то, что их реализация в обеих коммуникативных культурах осуществляется за счет следующих средств:

1) **лексических**, с помощью которых выражаются либо положительные эмоции коммуникантов по отношению друг к другу (*querer* 'любить', *adorar* 'боготворить', *admirar* 'восхищаться'), либо тяжелое внутреннее состояние партнеров по коммуникации, обусловленное возникшим конфликтом (*echar de menos* 'скучать', *sentir* 'сознать', *тосковать*, *переживать*, *не находить себе места* и т.д.). При этом интерес представляет то, что если в испанской коммуникативной культуре при нейтрализации речевого конфликта предпочтение отдается лексическим средствам, с помощью которых выражаются положительные эмоции (75%), то в русской культуре в данной ситуации общения преобладают лексические единицы, употребление которых ориентировано на выражение тяжелого внутреннего состояния (80%);

2) **морфологических**, за счет которых создается общий эмоциональный фон общения, а также происходит включение собеседника в личную сферу говорящего. К данным морфологическим средствам относятся: а) категории лица и числа, в частности 1-е лицо мн. числа, ср.: *Ya no volveremos a discutir esta tarde <...>*. 'Мы больше не будем спорить этим вечером' (С.М. Gaite. *Entre visillos*). *Мы все исправим* и т.п.; б) «кооперативные» предикаты (в терминах Е.М. Вольфа), апеллирующие к знанию собеседника (*sabes, que* 'ты же знаешь, что'; *если бы ты знал; как ты знаешь; ты что, не знаешь?*), к его согласию с истинностью суждения (*¿verdad?* 'правда?'; *ведь правда?*), к согласию с мнением (*puedes creer* 'можешь поверить') и т.п.;

3) **синтаксических**, особое место среди которых занимают личные и безличные конструкции. Как отмечает А. Вежицкая, «синтаксические конструкции языка воплощают и кодируют определенные специфические для данного языка значения и способы мышления <...>». При этом если в испанской коммуникативной культуре при нейтрализации конфликта предпочтение отдается личным синтаксическим конструкциям, то в русской речевой культуре преобладают безличные, подразумевающие участие в событии «некой непознаваемой "таинственной" силы». Ср.: *La culpa la tengo yo*. 'Я виноват'; *Просто так вышло* и т.п.

Таким образом, результаты проведенного анализа свидетельствуют о существовании в испанской и русской речевых культурах как общих языковых маркеров конфликтного и бесконфликтного речевого поведения, так и этноспецифических.